

П Р А В О

УДК 34

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ПРОЯВЛЕНИЯМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА КАК КОМПОНЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ НЕЛИНЕЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

© 2020 г.

А.В. Агутин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

agutin.av@yandex.ru

Поступила в редакцию 25.07.2020

Статья посвящена осмыслению проблем нелинейного управления социальными процессами противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма с использованием полномочий прокурора как компонента обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Обоснованы положения, которые в своей совокупности раскрывают деятельность прокурора по противодействию религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде с использованием полномочий прокурора.

Ключевые слова: прокурор, деятельность, противодействие, стратегия, полномочия, религиозный, экстремизм, национальная безопасность.

Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия национальной безопасности 2015 года). В соответствии с пунктом 1 указанной стратегии она (стратегия) является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

Стратегический курс, избранный политическим руководством нашей страны, обеспечивающий единство государства и российской общности, подвержен различным видам угроз. В настоящей статье мы не будем заниматься их перечислением, а укажем на один из них – религиозный экстремизм. Осознание религиозного экстремизма как угрозы национальной безопасности предполагает ответственность как российского государства, так и отечественной

общности и народов, её составляющих, за состояние, укрепление и приумножение культурно-исторического наследия и системы традиционных для нашей страны ценностей.

На уровне научного мировоззрения, скажем прямо, в наши дни для уничтожения духовной сферы используется потенциал гносеологии (теории познания). Культурно-историческое наследие и система традиционных ценностей российского народа проявляются в геополитической, религиозной, экономической, военной, правовой, социальной, научной и других сферах жизнедеятельности народа. В своей совокупности культурно-историческое наследие и система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа образуют фундаментальную основу его бытия. В свою очередь эта фундаментальная система позволяет нашему народу целостно воспринимать, понимать и представлять саму жизнь с ее достоинствами и недостатками. В любом случае фундаментальная система нашего народа является духовным оплотом нашей жизни. Это позволяет ему самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать.

Результатом духовной агрессии может стать утрата нашим народом как в целом, так и на уровне отдельных личностей способности самостоятельно мыслить, принимать решения и действовать. Это говорит о том, что российская общность подверглась духовной агрессии, а мировоззрение трансформировано и не взаимосвязано с культурно-историческим наследием и системой традиционных ценностей российского народа.

Трансформация традиционного для нашей общности мировоззрения осуществляется как посредством разработки ложного мировоззрения, например за счет либеральных идеологов, так и за счет применения соответствующих технологий. «В настоящее время появились технологии, – пишут специалисты по безопасности российского общества, – которые при наличии определенных условий способны трансформировать мировоззрение без применения военной силы путем воздействия на духовную сферу, которая, в свою очередь, связана с компонентами национальной безопасности. Ослабив духовную составляющую, можно либо полностью уничтожить социум, либо настолько ослабить его военную составляющую, что сделает возможным применение вооруженных сил без опасений получить серьезный вооруженный отпор» [2, с. 20].

Российский народ, опираясь на культурно-историческое наследие и систему традиционных духовно-нравственных ценностей, способен нейтрализовать агрессивное воздействие ложного мировоззрения. Основой отмеченной нейтрализации является духовность нашего народа. Она формирует у нашего народа способность самостоятельно мыслить, действовать и принимать решения. Способность же нашего народа самостоятельно мыслить, действовать и принимать решения говорит в пользу того, что он как народ обладает важным качеством. Российский народ духовно богат.

Духовное богатство нашего народа формирует особенности (специфику) его мышления. Оно целеустремлено к внутреннему совершенству, позволяющему ему постигать высшие смыслы своего бытия. В духовной сфере одним из смыслов бытия (жизни) является религиозная Вера. Со своей стороны, религиозная Вера является источником духовных сил нашего народа. Кроме того, в условиях господства в нашей стране либеральной парадигмы мышления Вера позволяет нашим согражданам оставаться людьми. Остаться не просто людьми, а быть личностями.

В отличие от либеральных глашатаев мы исходим из того, что личностью является человек,

воспринявший культурно-историческое наследие и систему традиционных ценностей российского народа. В этом смысле нет и не может быть противоречий между российской общностью и личностью. Впрочем, как не имеется никаких оснований их противопоставления нашему государству. Наше государство – это не государство в либеральном его представлении. Наше государство – это не аппарат, не совокупность органов, обеспечивающих принуждение и несущих кару и право в качестве либеральной самооценности. В нашем понимании государство – это прежде всего Отечество, Родина-Мать и Родная Земля с её реками, лесами, полями. Государство – это Наши Воины: от солдата до полководца, не поверхностно понимающие смысл слов «Чсть Имею». Наше государство – это наши прокуроры, самоотверженно выполняющие свой долг перед Родиной. Таким образом, наше государство – это наш народ. Отечественное государство и народ неразделяемы и неразделимы. Они составляют целостное духовное единство – российскую общность. Проще говоря, государство – это каждый из нас, неравнодушно живущий в нашей стране, имя которой Россия.

В основе российской общности, а следовательно, государства лежит дух её народа. Дух российского народа – это жизненная энергия, которая наполняет нашу жизнь смыслом, формирует должное мировоззрение (должную мотивацию), нейтрализует пороки индивидуалистического и эгоистического мышления. Иначе можно сказать так: «Дух народа делает человека личностью, позволяет ему оставаться человеком независимо от ситуаций. Он является своеобразным барьером в ситуациях, связанных с духовной (моральной) деградацией человека, превращением его в «нелюдя». Без духа российской общности невозможно ни нормальное функционирование нашего государства, ни жизнь нашего народа.

Религиозный экстремизм отнесен Стратегией национальной безопасности 2015 года к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности. Так, прямо или косвенно, в соответствии с частями 2–4 пункта 43 Стратегии национальной безопасности 2015 года основными угрозами государственной и общественной безопасности являются: во-первых, деятельность экстремистских религиозных организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспе-

чения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации; во-вторых, деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих религиозно-экстремистскую идеологию для дестабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей; в-третьих, деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии религиозного экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

Несмотря на всю опасность религиозного экстремизма для российского народа и его государства, в юридической науке нет однозначного понимания противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде с использованием полномочий прокурора. Последнее обстоятельство дает нам основание приступить к осмыслению указанного явления. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г.; далее – Стратегия по противодействию экстремизму в Российской Федерации до 2025 года) не дает определения понятия противодействия религиозному экстремизму. Вместе с тем в своем тексте она имеет понятие противодействия экстремизму. Под противодействием экстремизму Стратегия по противодействию экстремизму в Российской Федерации до 2025 года понимает деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленную на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма.

В отечественной юридической науке также отсутствует единый подход к пониманию противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде с использованием полномочий прокурора как компонента обеспечения национальной безопасности. В настоящей работе мы постараемся устранить имеющийся пробел в

нашей юридической науке. В авторитетном издании под редакцией А.И. Долговой термин «противодействие» трактуется «как уничтожение другого действия либо “идти наперекор чему-либо”, “мешать чему-либо”» [3, с. 388]. Согласно выводам А.И. Долговой (автора главы 11 указанного учебника) термин «противодействие» не включает в себя сути той деятельности, которая осуществляется в деле борьбы с преступностью. В обосновании правомерности своего утверждения она приводит два довода. Первый довод А.И. Долговой: «Не только государство “мешает” преступности, но и преступность – обществу, государству, причем активно и целенаправленно». Второй довод А.И. Долговой: термин «противодействие» «не охватывает всего комплекса мер воздействия на преступность как социальное явление со сложным причинно-следственным комплексом, в том числе недопущение нарушения уголовного закона, а в случаях нарушения применения к виновному мер государственного принуждения» [3, с. 388].

Со своей стороны, А.И. Долгова полагает, что наиболее обоснованно с научной и практической точек зрения для описания и объяснения рассматриваемого явления употребление словосочетания «борьба с преступностью». «Борьба с преступностью, – пишет А.И. Долгова, – сложная системная деятельность, представляющая единство трех следующих подсистем: общей организации борьбы, предупреждения преступности и правоохранительной деятельности. Это одна из сфер социального управления, обеспечивающая воздействие: а) на причины и условия, порождающие преступления и преступность, влияющие на их развитие; б) на саму преступность в целях предупреждения и пресечения её самодетерминации, недопущения рецидива преступлений» [3, с. 380].

В представленном виде борьба с преступностью А.И. Долговой понимается на основании системного подхода. В той ситуации когда она рассматривает борьбу с преступностью как сложную системную деятельность, то вкладывает в понимание этой деятельности три взаимосвязанные и взаимообусловленные деятельности, а именно общую организацию борьбы с преступностью, деятельность по предупреждению преступности и правоохранительную деятельность. Социальное управление представляет собой также системную деятельность (не системной социальной деятельностью просто не бывает), оказывающую воздействие, с одной стороны, на причины и условия, порождающие преступления и преступность, влияющие на их развитие, а с другой – на саму преступность в целях предупреждения и пресечения её самодетер-

терминации и недопущения рецидива преступлений. Одним из проявлений преступности как таковой является экстремистская преступность. В свою очередь, религиозный экстремизм и проявления религиозного экстремизма в молодежной среде – проявления экстремистской преступности.

Опираясь на концептуальные положения А.И. Долговой, связанные с пониманием борьбы с преступностью, возможно вести речь о борьбе с религиозной экстремистской преступностью. В рассматриваемом аспекте борьба с религиозной экстремистской преступностью представляет собой сложную системную деятельность, включающую в себя три подсистемы: общую организацию борьбы с религиозной экстремистской преступностью, предупреждение религиозной экстремистской преступности и правоохранительную деятельность, осуществляемую для выявления, раскрытия и расследования религиозных экстремистских преступлений. В представленном виде борьба с религиозной экстремистской преступностью в большей мере являет собой управленческую деятельность, оказывающую воздействие на причины и условия: во-первых, порождающие религиозные экстремистские преступления и религиозную экстремистскую преступность в целом; во-вторых, влияющие на развитие этих преступлений и этой преступности, с целью предупреждения и пресечения их самодетерминации и недопущения рецидива.

В контексте наименования настоящей работы мы ведем разговор не просто о борьбе с преступностью, а о борьбе с религиозной экстремистской преступностью, которая осуществляется органами прокуратуры Российской Федерации. В этом плане борьба с религиозной экстремистской преступностью, осуществляемая органами прокуратуры, представляет собой управленческую деятельность, которая оказывает воздействие на причины и условия, порождающие религиозные экстремистские преступления и религиозную преступность в целом, влияющие на развитие этих преступлений и этой преступности, с целью предупреждения и пресечения их самодетерминации и недопущения рецидива.

При всей нашей благосклонности к положениям, связанным с борьбой органов прокуратуры Российской Федерации с религиозными экстремистскими преступлениями и в целом религиозной экстремистской преступностью, со своей стороны, нам бы хотелось обратить внимание на нижеследующее. В российском законодательстве вместо словосочетания «борьба с религиозной экстремистской преступностью» в

этом контексте употребляется словосочетание, объединенные общим наименованием «противодействие». Например, базовый Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ имеет наименование «О противодействии экстремистской деятельности». Слово «противодействие» упоминается и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г.). Приказ Генерального прокурора Российской Федерации № 156 от 21.03.2018 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» также использует слово «противодействие».

Возникает вопрос. В каком смысле используется законодателем слово «противодействие» в этих нормативных актах? Думаем, что ответ на поставленный вопрос должен быть нижеследующим. Слово «противодействие» в названных выше нормативных актах используется в смысле словосочетания «борьбы с экстремистской преступностью». По этой причине в настоящей работе они нами будут признаваться равнозначными. Отсюда, когда мы говорим о противодействии религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде, прежде всего имеем в виду борьбу с религиозными экстремистскими преступлениями и религиозной экстремистской преступностью.

Правомерность нашего утверждения по этому поводу подтверждается и результатами исследований других авторов. Так, в наши дни под противодействием преступности в юридической литературе понимается «целенаправленная, комплексная, последовательная деятельность государства и общества по предупреждению преступности, выявлению и расследованию совершенных преступных деяний, привлечению виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности и ее реализации, а также по устранению либо минимизации вреда, причиненного отдельными преступлениями и преступностью в целом, посредством реализации мер правового, информационно-пропагандистского, культурно-образовательного, социального, экономического характера» [4]. Несмотря на некоторые частности, в том же ключе понимается противодействие преступности и рядом других авторов [1, с. 35]. Интерпретируя приведенное понятие противодействия преступности на основе научного метода восхождения от абстрактного к конкретному применительно к пониманию противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде как компонента обеспечения национальной безопасности, хотели бы обратить внимание на нижеследующее.

Первое. Формально, как органы прокуратуры Российской Федерации в целом, так и прокуроры в отдельности не являются субъектами расследования совершенных преступных деяний, включая и те из них, которые непосредственно относятся к преступлениям экстремистской направленности в части религиозно-экстремистских преступлений (деяний). Тем не менее прокуроры, осуществляя надзор за исполнением законов на досудебном производстве, формируют должную мотивацию (совокупность надындивидуальных мотивов) у должностных лиц, осуществляющих расследований религиозно-экстремистских преступлений.

Формирование прокурорами должной мотивации у должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по религиозно-экстремистским преступлениям, говорит в пользу того, что прокуроры управляют надындивидуальными мотивами данных должностных лиц. В свою очередь управление прокурорами надындивидуальными мотивами должностных лиц, осуществляющих расследование религиозно-экстремистских преступлений, говорит об оказании ими нелинейного воздействия (управления) на эту деятельность. В этом отношении прокуроры, осуществляющие надзор за процессуальной деятельностью при расследовании религиозно-экстремистских преступлений, являются действенными субъектами противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма, как компонента обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Косвенным подтверждением этому являются и положения Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 156 от 21.03.2018 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности». Так, согласно данному приказу, во-первых, прокуроры обязаны «осуществлять своевременные предупреждение, выявление и устранение нарушений законов в деятельности органов дознания и предварительного следствия при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях экстремистской направленности» (пункт 2.9); во-вторых, в ходе «осуществления надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания обеспечить соблюдение разумных сроков уголовного судопроизводства и законности при принятии процессуальных решений. Особое внимание обращать на эффективность взаимодействия следственных и оперативных подразделений, а также на полноту принимаемых мер по установлению лиц, причастных к организации и совершению преступ-

лений, выявлению и устранению причин и условий, способствовавших их совершению, выявлению и пресечению источников и каналов финансирования преступной деятельности» (пункт 2.10); в-третьих, обеспечить «проверку законности и обоснованности всех процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия либо прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Оценку принятому процессуальному решению давать на основе комплексного изучения всех материалов уголовного дела, а в случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2 части первой статьи 208 УПК РФ, – с одновременным изучением материалов соответствующего дела оперативного учета» (пункт 2.11).

Второе. Сугубо формально, в контексте анализируемой нами проблемы противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде как компонента обеспечения национальной безопасности, прокуроры не привлекают виновных в совершении преступлений к уголовной ответственности и не отвечают за её реализацию. Однако, если осознать проблему противодействия религиозному экстремизму и проявлениям религиозного экстремизма в молодежной среде как компонента обеспечения национальной безопасности, прокуроры являются должными субъектами противодействия. На это обстоятельство косвенно указывают и соответствующие положения приказа Генерального прокурора Российской Федерации. В частности, органы прокуратуры Российской Федерации на основании пункта 2.6 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации № 156 от 21.03.2018 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» потенциалом ресурсов прокурорского надзора обязаны добиваться «привлечения к установленной законом ответственности лиц, виновных в массовом распространении экстремистских материалов, включенных в федеральный список экстремистских материалов, их производстве либо хранении в целях массового распространения, а также призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

Третье. С формальной точки зрения, прокурор не является субъектом обеспечения устранения или минимизации вреда, причиненного отдельными преступлениями и преступностью в целом. Вместе с тем надо обратить внимание на то, что прокурор является одним из субъектов,

на которого возлагается обязанность по обеспечению доступа к правосудию. Одним из критериев обеспечения доступа к правосудию является возмещение ущерба, причиненного преступлением, включая и возмещение ущерба, причиненного в результате совершения преступлений экстремистской направленности в части религиозно-экстремистских преступлений. В частности, Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 г. № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» предписывает: «С целью защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, при-

нимать меры к обеспечению гражданских исков в уголовном деле».

Список литературы

1. Алексеева А.П., Бабочкин П.И. Понятие противодействия преступности // Юрист-Правовед. 2008. № 3. С. 33–35.
2. Брычков А.С., Никоноров Г.А. Глобальная информационная оборона духовной сферы // Проблемы безопасности российского общества. 2015. № 1. С. 14–28.
3. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. М., 2007.
4. Тимко С.А. О сущности понятия «противодействие преступности» // Юрист-Правовед. 2018. № 1 (84). С. 6–11.

COUNTERING RELIGIOUS EXTREMISM AND MANIFESTATIONS OF RELIGIOUS EXTREMISM IN THE YOUTH ENVIRONMENT USING THE PROSECUTOR'S POWERS AS A COMPONENT OF ENSURING NATIONAL SECURITY: PROBLEMS OF NONLINEAR MANAGEMENT OF SOCIAL PROCESSES

A.V. Agutin

The article is devoted to understanding the problems of nonlinear management of social processes of countering religious extremism and manifestations of religious extremism using the powers of the prosecutor as a component of ensuring the national security of the Russian Federation. The authors ground issues that, in their entirety, reveal the activities of the prosecutor in counteracting religious extremism and manifestations of religious extremism among young people using the powers of the prosecutor.

Keywords: prosecutor, activity, counteraction, strategy, authority, religious, extremism, national security.

References

1. Alekseeva A.P., Baboshkin P.I. Ponyatie protivodejstviya prestupnosti // Yurist"-Pravoved. 2008. № 3. S. 33–35.
2. Brychkov A.S., Nikonorov G.A. Global'naya informacionnaya oborona duhovnoj sfery // Problemy bezopasnosti rossijskogo obshchestva. 2015. № 1. S. 14–28.
3. Kriminologiya: Uchebnik dlya vuzov / Pod obshch. red. d.yu.n., prof. A.I. Dolgovej. M., 2007.
4. Timko S.A. O sushchnosti ponyatiya «protivodejstvie prestupnosti» // Yurist"-Pravoved. 2018. № 1 (84). S. 6–11.